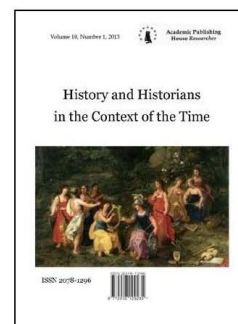

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2014.
ISSN: 2078-1296
Vol. 12, No. 1, pp. 37-47, 2014

DOI: 10.13187/issn.2078-1296
www.ejournal3.com

UDC 355.018(477.53): 94 «1914/18»

Ukrainian Peasants' Perception of the Image of Nikolay II during World War I (based on Materials on the Poltava Governorate)

Viktor I. Sarancha

Kremenchug Mikhail Ostrogradskiy National University, Ukraine
39600, 20, Pershotravneva Street, Kremenchuk
Postgraduate student
E-mail: visar73@mail.ru

Abstract. This article examines the characteristics of Ukrainian peasants' perception of the image of the last Russian emperor during World War I. The author devotes special attention to such aspects of "military consciousness" as: one's perception of the image of the enemy, one's attitude towards the war and army service, and one's interpretation of the causes of the war and its possible consequences.

Keywords: Emperor; Nikolay II; World War I; peasants; Poltava Governorate.

Введение.

Эпохальное значение Великой войны (1914-1918 гг.) выводит ее за рамки ординарных вооруженных конфликтов. Она изменила вектор развития цивилизации и определила облик XX века, с его революциями, войнами и диктатурами. Современный интерес к Первой мировой обусловлен наличием в ее истории «белых пятен», связанных, в первую очередь, с проблематикой «культуры войны» – «широкого спектра различных аспектов духовной жизни, возникших или трансформировавшихся вследствие всепроникающего влияния войны на все грани бытия – образование, воспитание,... религию, формы индивидуального и коллективного быта, ценности» [1].

Со второй половины прошлого века именно исследования «культуры войны» доминируют в западноевропейской историографии Первой мировой. Отказ от догматического восприятия исторического процесса способствовал проникновению данных тенденций на постсоветское пространство. Среди исследований в области военной психологии и антропологии следует выделить работы Поршневой О.С. [2] и Сенявской Е.С. [3]; особенности социального поведения национальных меньшинств Российской империи во время войны рассмотрены Черкасовым А.А. [4].

По словам Р. Уортмана: «Русский император сохранял абсолютную власть до начала XX в., и потому политические мифы и связанные с ними представления продолжали играть заметную роль вплоть до самого падения династии» [5]. Еще в начале царствования Николай II «хотел обратиться к древнейшим напластованиям народного сознания, в которых, как он надеялся, сохранялся образ православного государя, любимого народом» [6]. Непонимание императором глубинной народной психологии и неудачное исполнение роли «сакрального царя» привели, в итоге, к гибели государства.

Целью настоящей работы является попытка определить источники формирования и причины трансформации образа последнего российского императора в сознании украинского крестьянства во время Первой мировой войны. Кроме того, в статье рассматриваются такие аспекты «военного сознания» украинского провинциального социума как: восприятие образа врага, отношение к войне и службе в армии, интерпретация причин войны и ее возможных последствий.

Одной из задач исследования является внесение корректировок в представления о всеобщем энтузиазме, связанном с началом войны; небывалой волне патриотизма и «единении царя с народом». Излагаемые здесь материалы и выводы – это обратная сторона «настроения 1914 года», без которой построение объективной картины жизни во время Великой войны не возможно.

В то же время следует отметить, что согласно наблюдениям властей призывы новобранцев и запасных в Полтавской губернии внешне проходили очень спокойно: «Призывники являлись охотно. Настроение населения... благоприятное и всюду высокопатриотичное» [7]. Вскоре после окончания Первой мировой Н.Н.Головин отмечал высокий боевой дух украинцев-выходцев из казачьих регионов, предпочитавших плену гибель на полях брани, с которых не вернулся 17421 уроженец Полтавщины [8].

Материалы и методы.

Основными источниками для написания данной статьи стали материалы, находящиеся в фондах Центрального государственного исторического архива Украины, г. Киев (№ 320, № 321) и Государственного архива Полтавской области (№ 138, № 83).

Кроме того, при подготовке работы использовались периодические издания, статистические и фольклорные сборники, литературные произведения.

В работе использованы историко-сравнительный, историко-типологический и социально-психологический методы.

Обсуждение проблемы.

Принято считать, что победа Февральской революции была обусловлена десакрализацией императорской власти и крахом «наивного монархизма» в крестьянской среде. При этом следует говорить не о гибели самой монархической идеи, а лишь о восторге народного недоверия к Николаю II, что подтверждается реставрацией авторитарной власти уже в рамках СССР.

В большинстве случаев объектом современных исследований менталитета и социального поведения крестьян являются великороссийские губернии, с последующей экстраполяцией результатов на все имперское пространство. В данном контексте воссоздание образа Николая II сквозь призму восприятия его населением украинских губерний приобретает актуальное научное значение.

Накануне Первой мировой войны 85 % населения Полтавщины проживало в сельской местности. При этом около 40 % жителей губернии составляли казаки – носители особого менталитета и традиций, уходивших корнями в Гетманщину XVII–XVIII вв. [9]. Не знавшие, в большинстве своем, крепостной зависимости, мобильные, с ярко выраженным стремлением к индивидуализму, они часто являли собой полную противоположность крестьянину-общиннику.

В отличие от крестьянства, крепко державшегося за землю и воспринимавшего войну как злой рок, воспитанное в духе славных традиций, полтавское казачество достаточно охотно шло на службу. Неоднократно в течении XIX века (1812, 1831, 1855, 1863) на Полтавщине формировались казачьи полки, успешно сражавшиеся на полях Отечественной и Крымской войн.

В то же время длительное проживание в едином социокультурном пространстве максимально сблизило менталитет и социальные установки полтавских крестьян и казаков. Так, в большинстве сельских хат Полтавщины в сакральном углу, рядом с иконами, находилось изображение казака Мамаю, девиз которого стал своеобразным культурным кодом для украинцев XVII–XIX в.в.:

«Не завидую никому – ни панам, и не царю,
Богу своему святому я за все благодарю,

Хотя телом и не славен, но жизнь весело веду,
И в делах своих исправен, я вовек не пропаду»

Если в патриархально-общинном сознании великорусского крестьянина царь был олицетворением священных начал государства-семьи («Царь-батюшка») и исполнителем воли Божьей (Царь – от Бога пристав), то казацко-крестьянским населением Украины он воспринимался, скорее, как шахматный король: фигура, высокий статус которой определен правилами и без которого игра не возможна. Примером «очеловечивания» «помазанников Божьих» в украинском фольклоре могут служить поговорки: «Царь воды не уймет», «Разве царь не мужчина, а царица не женщина?»* [10].

Долгое время восприятие российских императоров в украинской крестьянской среде носило ситуативный характер. Реакцией на ухудшение уровня жизни украинского села в царствование Николая I стала поговорка: «При царице (Екатерине II – В.С.) – ели паляницы, а при царе не поедим и сухарей». Иногда объектами незлобного народного юмора становились символы официальной имперской культуры. Так, орел с венком, увенчивающий Памятник Славы в Полтаве у одного из местных крестьян вызвал совершенно не героическую ассоциацию – ворона, которая ест бублик.

Распространение антимонархических настроений в украинском социуме связано с творчеством Тараса Шевченко. Если фольклорные образы недругов Украины имели низкий уровень персонификации (ляхи, москали, турки и т.д.) и даже Екатерина II, давшая приказ о разрушении Запорожской Сечи величалась «матерью», то для Кобзаря воплощением зла являлись вполне конкретные российские императоры.

В одной только поэме «Сон» (1844) можно найти образы наиболее одиозных, с точки зрения Т.Г.Шевченко, российских царей. Так, возле «Медного всадника» он вспоминает «палачей-людоедов»: «сумасшедшего» Петра I («тот Первый, который распинал нашу Украину») и «голодную волчицу» Екатерину II («А Вторая, доконала вдову, сиротину...»). Не обходит своим вниманием Тарас Григорьевич и царствующих на тот момент особ: Николая I (пьяный, сердитый «фельдфебель-царь») и Александру Федоровну («как опенок засушенный»). Не ожидая ответа на свой вопрос: «О люди, люди! На что сдались вам цари? На что сдались вам псари? Ведь вы же люди, не собаки!», поэт верит, что когда-нибудь «люди тихо... царя к палачу поведут» [11].

Радикальный антимонархизм Т.Г.Шевченко поддерживался сравнительно незначительной частью населения. В то же время его творчество имело исключительное влияние на формирование украинской национальной интеллигенции, не признающей официальной концепции «трех русских народностей». Уже после смерти Кобзаря в галерее российских императоров-врагов Украины появился Александр II – за законодательные ограничения в употреблении украинского языка. Что же касается двух последних самодержцев, то негативных персональных коннотаций в среде украинской национально-сознательной интеллигенции они не имели: их не любили только за то, что они русские цари.

Активная просветительская работа среди крестьянства, в том числе и по популяризации произведений Т.Г.Шевченко, в конце XIX – нач. XX в. не всегда давала желаемые результаты. Представители национальной интеллигенции объясняли подобную ситуацию мистическим мировоззрением простого народа, не готового воспринимать рационализм Кобзаря. В 1906 г. национально-демократическая пресса с сожалением отмечала низкую степень поддержки идеалов Шевченко в украинском обществе [12]. Среди основных причин «летаргического сна» нации назывались ее русификация посредством системы образования и идеологическая «имперская» обработка православной церковью.

Революционные события 1905–1907 гг. совершили очередной ментальный сдвиг в сознании крестьян. Если буржуазные реформы сер. XIX в. закрепили де-юре за ними основные гражданские права, то первая русская революция трансформировала их восприятие верховной власти. В этот период заметно активизируется работа политических партий на селе; крестьяне обретают опыт парламентской деятельности, составляют указы в Государственную Думу с требованиями «земли и воли».

* Найти аналог данной украинской поговорке у В.И.Даля и в других источниках не удалось.

В представлении казачье-крестьянского населения «идеальный царь» – это рачительный хозяин, заботящийся о своей земле в мирное время и храбрый верховный вождь в час военных испытаний. Парадоксальным является тот факт, что в годы Первой мировой таким «идеальным правителем» для сельских обывателей стал воинственный кайзер Вильгельм II, в противовес «невзрачному» царю-неудачнику Николаю II. Крестьянское сознание поставило знак «плюс» там, где антигерманской пропагандой были запланированы «минусы»: многолетняя подготовка к войне, строительство кораблей, самолетов и подводных лодок.

Типичную для начала войны характеристику Николаю II дает один из героев повести А.С. Макаренко «Честь», действие которого происходит в рабочем предместье Кременчуга – Костроме. Семен Максимович, прообразом которого стал отец известного педагога, так реагирует на начало германской войны, до которой «жизнь и в городе и на Костроме отличалась спокойствием»: «На немцев кишка тонка, потому царь плохой. С таким царем нельзя на немцев. У их царь с каким усами, а наш на маляра Кустикова похож. Сидел бы уже тихо, нестуляка. Нестулякой называл Семен Максимович всякого неловкого, неудачливого человека.<...> Не годится наш царь для войны. Он за что ни возьмется, так и нагадит. С японцами воевал, нагадил, конституцию хотел сделать, тоже нагадил. Вот и маляр Кустиков такой» [13].

Подобные настроения циркулировали в рабоче-крестьянской среде в то время, когда в столицах и крупных городах отмечался «небывалый всплеск патриотизма и готовности вести войну до победного конца». Изложенные ниже факты дают возможность говорить о необходимости корректировки общих представлений о т.н. «настроении 1914 года», которое в провинциальных социумах Российской империи носило крайне противоречивый характер.

Первые десять лет правления Николая II заметно пошатнули авторитет династии и Церкви даже среди консервативно настроенного крестьянства. Актуальными аспектами в деятельности духовенства становятся возрождение верноподданнических настроений и воспитание молодежи в духе общеимперского патриотизма. Первая мировая поставила эти вопросы в иную плоскость: в условиях войны на кону стояла сама возможность победы над врагами.

Церковь с энтузиазмом восприняла возложенные на неё задачи. В этом отношении показательны «вступительные слова» священников, произносимые ими перед началом занятий в духовных школах и епархиальных училищах. В этих «словах»-проповедях подчёркивались особые, исключительные условия, в которых начинается новый учебный год, а недавно начавшаяся война позиционировалась «как великая идея лишения славянского мира от бедствий германизма». Восприятие войны именно в таком образе должно было служить залогом дальнейшей готовности учащихся к пожертвованиям.

За сравнительно короткий срок религиозно-патриотический подъем стал характерным явлением не только для столичной жизни: усилиями Церкви он был «экспортирован» и в провинциальное общество. На общем фоне данного явления можно отметить заметное повышение авторитета царской семьи. Следует отметить, что не последнюю роль в этом сыграли благотворительная деятельность императрицы и великих княжон.

Церковная жизнь Полтавщины первых месяцев войны – это череда общественных богослужений, патриотических проповедей и крестных ходов, эпицентром которых являлся губернский центр. Уже 20 июля 1914 во время ежегодного крестного хода с иконой Горбаневской Божьей Матери епископ Полтавский и Переяславский Феофан совершил первый молебен о победе над врагами. В дальнейшем подобные молебны добавляются к ежедневным богослужениям во всех полтавских церквях.

22 июля 1914 г., в день тезоименитства императрицы Марии Федоровны, после торжественного архиерейского богослужения и молебна с участием епископов Феофана и Сильвестра (викарный епископ Прилукский – В.С.) ключником Полтавского Кафедрального Собора был зачитан Манифест о войне с Германией. После этого традиционный крестный ход на Соборной площади Полтавы закончился «напутственным словом епископа Феофана воинам, идущим на ратный подвиг», благословившего святыми иконами войска Полтавского гарнизона и окропившего святой водой полковые знамена.

Хроника первых месяцев войны отмечала, что 29 июля 1914 г. на Сенной площади Полтавы епископ Феофан, в присутствии соборного и городского духовенства, совершил

молебен и благословение перед отправлением на фронт полков второй очереди. Общегородской молебен о даровании победы над врагом, состоявшийся в Полтаве 10 августа на площади около Свято-Троицкой церкви, завершился крестным ходом [14].

Кроме того, «Полтавские епархиальные ведомости» (далее – «ПЕВ») отмечали особое торжество, с которым прошли молебны о даровании победы Русской армии над врагом в местечке Старые Санжары (04.08.1914) и с. Лукашовке Золотоношского уезда (08.09.1914) [15].

На страницах все тех же «ПЕВ» была размещена достаточно меткая характеристика состояния общества в первые месяцы войны: «Смолкли интриги и раздоры и партий, вроде бы не стало. Все направили свои взгляды в тучу, которая грядёт». Это утверждение перестаёт казаться пропагандистским штампом при изучении биографий лиц, произносивших верноподданнические речи на религиозно-патриотических мероприятиях в начале войны.

Примером тому может служить гласный Полтавской уездной управы Я.Н. Стеньки, произнесший на торжественном молебне о даровании победы русскому воинству в Старых Санжарах 4 августа 1914 г. такие слова: «В эту тяжкую годину весь русский народ заявил своему Царю Батюшке, что он готов положить душу свою и достояние за веру, Царя и Отечество...» [15]. Незадолго до этого события Я.Н. Стенька был отнесён полицейскими властями к разряду крайне «неблагонадежных», с политической точки зрения граждан, и характеризовался как «малороссийский националист», «сеявший в народе смуту с лета 1905 до лета 1910 года» [16].

20 октября 1914 по инициативе учащихся Полтавского духовного училища в губернском центре состоялась патриотическая манифестация, посвященная двадцатой годовщины со дня смерти Александра III. Процессия прошла при участии воспитанников гимназии имени Александра I, женской Мариинской гимназии, и реального училища. Возле памятника Славы тысячная манифестация с имперскими флагами, портретами Николая II и царской семьи пела гимн, многолетия и кричала «Ура». Патриотические речи перед собравшимися учащимися произнесли преподаватели семинарии В. Ф. Харьков и Духовного училища Л. А. Сенявин [17].

Своеобразным апофеозом в череде патриотических мероприятий и общественных богослужений, характерных для первого этапа войны, стал визит в губернский центр Николая II, состоявшийся 28 января 1915 г. У вагона поезда император, посещавший Полтаву третий раз за одиннадцать лет, принял рапорт губернатора Багговута А.К. и начальника гарнизона генерал-майора Страховского. На торжественной встрече прозвучали приветственные слова губернского предводителя дворянства Герценвица М.И. и Председателя Губернской Земской Управы Сологуба Ф.А.. По пути следования царского кортежа были расставлены войска и ученики Полтавских учебных заведений.

После службы в Кафедральном соборе епископ Феофан доложил императору о пожертвовании Полтавским казаком Я. Огнивенко 95 десятин земли в Ялтинском уезде, для строительства лазарета и приюта-школы для детей-сирот войны. Николай II посетил «Лазарет имени казаков и крестьян», где получил от уполномоченного от крестьян 10000 руб., собранных населением Полтавской губернии «на нужды войны». После посещения лазаретов, размещенных в дворянском собрании и кадетском корпусе, император принял от Председателя Правления Земельного банка С. С. Хрулева чек на 50000 руб. (на военные нужды) и отбыл со станции «Полтава» [18].

Украинская поговорка «И царя за глаза ругают» материализуется в наиболее репрезентативных источниках – делах крестьян, обвинявшихся в оскорблении императорской фамилии. По подсчетам Колоницкого Б.И. перед Первой мировой именно эти дела давали наибольшее количество государственных преступлений. Им же была проведена классификация данных преступлений: случайные – немотивированные оскорбления, связанные с особенностью речи простого народа; «карнавальные» – оскорбления в пьяном виде при девиантном поведении; оскорбления, связанные с конфликтами на селе; мотивированные религиозные оскорбления; политические оскорбления [19].

Еще одна «царская» поговорка «Ты мне не «тыкай» – меня царь пуговицами утыкал» служит примером отношения украинцев к государственной и военной службе. Именно к особе императора, как к высшему союзнику и авторитету часто взывала одна из

конфликтующих сторон в сельских спорах. Не редко за этим следовали брань оппонента в адрес императора и соответствующее заявление об оскорблении «Его Величества», что дает возможность относить значительную часть подобных апелляций к умелыми провокациями.

Так, в марте 1914 г. подобная перепалка произошла в Кохновском волостном управлении Кременчугского уезда, где повздорили два местных казака. На аргумент казака Недбайло: «За что ты меня ругаешь, я семь лет прослужил Государю и имею от него аттестат!» казак Штепа ответил: «Ну тебя к (брань) с твоим аттестатом и с Государем!». Все происходило в присутствии семи свидетелей, о чем в своем заявлении указал Кохновский сельский староста Д.М. Воля [20].

С началом войны возрастает количество «политических» оскорблений императора, его супруги и матери; в полтавских селах звучат речи о «низвержении царской власти и установлении выборных начал правления». Популяризация изображений императора (плакаты, журналы, календари и т.д.) приводит к участвовавшим случаям их оскорблениям во время сельских конфликтов. Так, казак с. Шабельники Золотоношского уезда Д.Куц во время ссоры с крестьянкой М. Дедаш, указав на календарь с изображением портрета императора, сказал: «Пойди и выпачкайся на него» [21].

Источниками формирования негативного восприятия Николая II становятся газетные сообщения о положении на фронтах, слухи, личные впечатления, письма солдат, рассказы очевидцев тех или иных событий.

В начале августа 1914 г. отставной учитель Полтавской духовной семинарии И.И. Полонский отослал на императорское имя «письмо возмутительного содержания» [22], а А.И. Кулинич высказывал мысли: «От царя пошла собачья кровь...», «Царя-собаку надо искоренить» [23]. В официальных донесениях оба случая объясняются обострением душевных болезней.

В разгар шпиономании и поисков «внутреннего врага» основными источниками формирования негативного отношения к войне и пораженческих настроений считались подданные Центральных держав и евреи. Так, в самом начале войны был арестован германский подданный Ф.Гутяр, проводивший беседы с крестьянами с. Кегичевки Константиноградского уезда об их бедственном имущественном положении и о бесперспективности войны с Германией. Для наглядности на карту России господин Гутяр наносил расположения крепостей и войск, а сами «политинформации» сопровождалась экспрессивными выражениями: «Хороша сволочь и Россия!», «Дура Англия: что она возьмет с России за свою дружбу?» [24].

К сожалению, сегодня трудно оценить степень влияния подобных «бесед» на распространение среди крестьян пораженческих и германофильских настроений, имевших место уже в начале войны, во время успешного наступления русских войск в Галиции.

В августе 1914 г. учительница Т. Ковтюхова, собиравшая пожертвования на нужды семей нижних чинов, призванных в армию, обратилась к крестьянину с. Холодное Плесо Константиноградского уезда Г.Коломыйцу с просьбой сделать благотворительный взнос. На вопрос Коломыйца «Куда пойдут данные средства?» последовал ответ учительницы: «По своему назначению, они необходимы для облегчения государства». Далее из уст простого крестьянина последовали оценка текущей политической ситуации и прогноз на ближайшее будущее: «Лучше будет, если немцы побьют нас, тогда порядки будут гораздо лучше и жизнь улучшится, а теперь порядки плохие, так как государством управляют воры и мошенники, которые нагружают непосильными налогами... Когда война закончится, то царя не будет, **его все равно убьют...**» [25].

Уникальные в своем роде слухи возникали как продукт синтеза личных впечатлений от происходящих событий и самых нелепых домыслов. В начале августа 1914 г. казак Л.И. Бутенко, проживавший в с. Пирки Зеньковского уезда, узнав, что сын казака Ф.Ф. Ковшика Василий призван на службу, защищать «Царя и Отечество» разразился «матерщиной бранью по адресу Государя». После ругани последовали слова: «Зачем его защищать, то дураки, кто защищает его вместе с Россией! Не далее 15 августа в Пирки явятся австрийцы и будут всех казнить и разбивать. Австрийцы разобьют село и разгромят Россию». После этого он ругал существующие порядки, рассказывал об огромном количестве раненых, которых видел в Полтаве и том, что богатые мужики не посылают своих сыновей в армию. Источником информации о скором разгроме России Бутенко

называл письма односельчанина, который дезертировал из 11 Драгунского Рижского полка в Австрию еще в 1912 г. [26].

Если прибытие австрийцев в Зеньковский уезд 15.08.1914 г. было плодом воображения казака Бутенко, то пренебрежительное отношение к военной службе и желание уклониться от нее любым способом часто фиксировалось в жандармских донесениях. В марте 1915 г. казак х. Козулинского Хорольского уезда А.З. Козуля публично заявил «То дураки, кто идет на службу. Я не пойду, и мои дети не пойдут. Пустяки: соли в уши насыпать и из ушей пойдет слизь, а доктора признают, что это золотуха» [27].

Жители х. Кобеличковки Полтавского уезда М. Дрюх и А. Собакарь с целью уклониться от военной службы принимали лекарства, от которого на теле открывались раны, что после неоднократных медицинских освидетельствований давало им право на трехмесячную отсрочку [28].

Призванный по мобилизации 08.09.1915 г. ратник 2-го разряда И.Г. Зеркало был «уволен по болезни до 22.03.1916 г.» после трех месяцев службы в 216 пехотном запасном батальоне в г. Козлове. Его отец – владелец 78 десятин земли несколько раз ездил к сыну в часть, обещая знакомым в ближайшую поездку привезти его домой. Перед этими поездками он продавал значительное количество пшеницы и сена, что в совокупности с внешним здоровым видом ратника Зеркало вызывало недоумение у соседей [29].

Своеобразным феноменом дел по оскорблению императора является наличие во многих из них «еврейского следа» – еврея, критиковавшего вместе с украинским крестьянином русские порядки либо еврея-хозяина лавки или корчмы, в которой было совершено преступление. Следует полагать, что наличие подобного «следа», в представлении заявителей, должно было стать убедительным аргументом, подтверждающим подлинность обвинений.

В декабре 1914 г. кременчужанин-еврей М.Славинский «распространял тревожные слухи о поражении русской армии от германцев в присутствии нижних чинов и посторонних лиц», «порицал правительство, критиковал его действия и восхвалял германский образ правления» [30].

С 1915 г. новым источником информации о войне становятся беженцы и военнопленные. По агентурным данным Полтавского губернского жандармского управления в 1916 г. военнопленные, проживавшие в крестьянских семьях Кременчугского уезда «поднимают доверие к победоносному наступлению (Брусиловскому прорыву – В.С.)» и заявляют о том, что все губернии до Днепра вскоре отойдут к Австрии [31].

В начале 1916 г. жители села Первозвановки Полтавского уезда Гершко Богуславский, С.З. Руденко и секретарь волостного суда А. Мирко «распространяли слухи о скорой победе Германии и переходе Полтавщины в подданство кайзера, которое избавит крестьян от «русского режима» и улучшит их положение. Неизбежность победы Германии подтверждалась фразой «Голодраная Россия немцев не побьет» [32].

Особым предметом претензий к Николаю II было введение винной монополии. Во время разговора в лавке еврея Гольтмана о войне крестьянин с. Крестище Константиноградского уезда В.И. Демяник отмечал: «Наш царь до войны только мыл бутылки для винной монополии и допускал пьянство, а Вильгельм готовил армию и снаряды. Если бы нас забрала Германия, то нам бы было хорошо, не как сейчас» [33].

Предвоенная налоговая политика Николая II и отсутствие порядка в стране вызывает критику не только в лагере «пораженцев». В конце лета 1914 г., во время молотбы казак х. Демченковского С. Мордич заявил: «У Государя нашего нет порядка, налоги понакладал на землю, деньги есть и начал воевать» [34].

Военные неудачи и общая социальная усталость приводили население губернии к различным умозаключениям. Крестьянин с. Иордановки Гадячского уезда С. Бондаренко считал: «Эта война не от Бога, а от людей и от черта. Черт выдумал эту войну. Во всем виноват Генеральный штаб» [35].

Подобные мысли, облаченные в иные словесные формы, были близки и представителям иных социальных групп. Начальник депо станции Лубны Балабай считал что: «Большим государством не может управлять один человек, большой государь, над которым имеют власть придворные, особенно немец Фредерикс... Война идет между императорами, а не между народами: исчезнут императоры – исчезнут и конфликты» [36].

Большую роль в поддержании авторитета самодержавной власти и лично Николая II среди своей паствы сыграл Архипастырь Полтавской епархии – Преосвященный Феофан (Быстров). Бывший духовник императора, он был одним из тех, благодаря кому императорская фамилия познакомилась с Г. Распутиным: именно это знакомство стало позднее причиной отдаления Феофана от двора.

В последний предреволюционный год попытки Церкви посредством проповеди на богослужениях изменить отношение к императору редко давали желаемые результаты. Гласом вопиющего в пустыни стали слова поучения, произнесённые на архиерейском богослужении 06.05.1916 в День рождения Николая II. Епископ Полтавский и Переяславский взывал к необходимости выполнения долга: гражданского и христианского, под которыми подразумевались оказание постоянной помощи императору в его государственном и военном служении. В данном поучении, напечатанном в «ПЕВ», император предстаёт «державным Вождем христоролюбивого воинства», сердце которого наполнено скорбью и тревогой за Родину. «Сколько скорбей, сколько мучительных тревог и волнений за страждущую родину принимает ныне сердце царское», – восклицает епископ Феофан [37].

По иному оценивает образ императора в 1916 г. простая женщина-солдатка. Для нее Николай II не только бездарный «хозяин земли Русской», он, прежде всего, бессердечный человек и лжец. Казачка хутора Ковалевка Кременчугского уезда М.Поцыбай выколол глаза, изображенным на плакате императору и цесаревичу воскликнула: «Как бы его, сукина сына, наследника убили, то его сердце бы болело, а как убивают наших мужей, то для него ничего не значит» [38].

В преддверии празднования 20-тилетия коронации Николая II (13.05.1916 г.) крестьянка с. Войтовец Пирятинского уезда высказала такую мысль: «Если бы Государя покороновать колком из-за угла за то, что забрал наших мужей, а земли не дал» [39].

Заключение.

Перед началом Первой мировой войны формирование образа правящего монарха у крестьянства Полтавщины происходило под воздействием:

- народной традиции;
- пропаганды различных партий и движений (в том числе и национальных);
- официальной идеологии, ретранслируемой через центральные газеты, учебные заведения и церковь;
- личных коммуникативно-визуальных практик (общение с «учеными» людьми, приезды Николая II на Полтавщину, портреты царя и кинохроники и т.д.).

В предвоенный период Николай II воспринимался сквозь призму наиболее неудачных аспектов его царствования: поражения в русско-японской войне, «Кровавого воскресенья», роспуск двух Государственных Дум, налоговой политики и введение винной монополии.

Начало Первой мировой войны было воспринято населением Полтавщины неоднозначно: патриотические манифестации в губернском центре и Кременчуге сочетались с тревожными ожиданиями крестьянской массы. Несмотря на низкий уровень национального сознания украинских крестьян, война вызывала критику «русских порядков» и определенные германофильские настроения. «Горизонт ожиданий» украинского крестьянства касаясь послевоенного устройства жизни включал в себя широкий спектр: от передела помещичьих земель до убийства царя и перехода в германское подданство.

Отрицательные тенденции в восприятии царя усугубляются военными неудачами, экономическими и социальными катаклизмами. Уже на первоначальном этапе войны император предстает как безвольный правитель, находящийся под влиянием «немцев», не подготовивший страну к войне. Великое отступление 1915 г., возрастающее количество убитых и раненых только укрепляют данное убеждение. «Женский взгляд» на Николая II был более радикален: он и жестокий человек, который гонит мужей на верную смерть, и лжец, обманувший крестьян в земельном вопросе.

Таким образом, Николай II не соответствовал крестьянскому представлению об «идеальном царе» еще до начала Первой мировой. Война же не просто усугубила это негативное восприятие – она привела к десакрализации царской власти и ее последующей

ликвидации. Со второй половины 1916 кризисные явления в обществе набирают критическую массу, делая данный процесс необратимым. Несмотря на это, Церковь не переставала призывать паству вернуться к Богу, напоминая и о давно забытых идеалах родства народа с Престолом. Но эти призывы оказались тщетными: революционная буря окончательно девальвировала образ царей – «радетелей земли Русской» в сознании провинциального социума.

Примечания:

1. Реєнт О. П., Янишин Б. М.. Україна в період Першої світової війни: історіографічний аналіз // УІЖ. 2004. № 4. С.3-35.
2. Поршнева Ольга Сергеевна. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, 1914–1918 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02. Екатеринбург, 2000. 359 с.
3. Сенявская Е. С. Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С.7-16.
4. Черкасов А. А. Национальные меньшинства Российской империи в годы Первой мировой войны: некоторые аспекты // Былые годы. 2009. № 4. С. 20-27.
5. Уортман Р. Николай Второй и образ самодержавия // История СССР. 1991. № 2. С. 122-123.
6. Морозова О.М. «Сакральный царь», убивший Николая? // Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2125&level1=main&level2=articles>
7. Государственный архив Полтавской области (далее – ГАПО), Ф.83. Оп.1. Д.144. Л.37.
8. Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне / Н. Н. Головин. – М.: Вече, 2006. – С. 199-201.
9. Обзор Полтавской губернии за 1914 год. – Полтава: Типография Губернского правления, 1916.
10. Українські приказки, прислів'я і таке інше. Уклад М. Номіс / Упоряд., приміт і вступ. ст. М. М.Пазяка. К.: Либідь, 1993. 768 с.
11. Тарас Шевченко. Зібрання творів: У 6 т. К., 2003. Т. 1: Поезія 1837-1847. С. 265-278.; Тарас Шевченко. Зібрання творів: У 6 т. К., 2003. Т. 2: Поезія 1847-1861. С. 361, 363.
12. Грінченко Б. Шевченків «Кобзарь» на селі // Нова громада. 1906. № 2. С. 7-29.
13. Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т. 2 / Сост. М.Д. Виноградова, А. А. Фролов. М.: Педагогика, 1983. С. 309.
14. «Полтавские епархиальные ведомости». 1914. – № 33. С. 1779-1781.
15. «Полтавские епархиальные ведомости». 1914. – № 41. С. 2182-2187.
16. ГАПО, Ф.83. Оп.1. Д.134. Л.3.
17. «Полтавские епархиальные ведомости». 1914. № 46. С. 2551-2553.
18. «Полтавские епархиальные ведомости». 1915. № 4. С. 318-325.
19. Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: НЛО, 2010. С.44-46.
20. ГАПО, Ф.138. Оп.1. Д.546. Л.4.
21. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев (далее – ЦГИА Украины), Ф.320. Оп.1. Д.1550. Л.13.
22. ЦГИА Украины, Ф.320. Оп.1. Д.1369. Л.2.
23. ЦГИА Украины, Ф.320. Оп.1. Д.1354. Л.2.
24. ГАПО, Ф.138. Оп.1. Д.546. Л.8-9.
25. ГАПО, Ф.138. Оп.1. Д.546. Л.18-19 об.
26. ГАПО, Ф.138. Оп.1. Д.552. Л.5.
27. ГАПО, Ф.138. Оп.1. Д.576. Л.2.
28. ЦГИА Украины, Ф.321. Оп.1. Д.220. Л.178.
29. ЦГИА Украины, Ф.321. Оп.1. Д.224. Л.52.
30. ГАПО, Ф.138. Оп.1. Д.546. Л.33.
31. ЦГИА Украины, Ф.321. Оп.1. Д.220. Л.73.
32. ЦГИА Украины, Ф.320. Оп.1. Д.1542. Л.3-5.
33. ЦГИА Украины, Ф.320. Оп.1. Д.1551. Л.2-7.

34. ГАПО, Ф.138. Оп.1. Д.546. Л.32.
35. ЦГИА Украины, Ф.320. Оп.1. Д.1544. Л.3-5.
36. ЦГИА Украины, Ф.320. Оп.1. Д.1540. Л.2-10.
37. «Полтавские епархиальные ведомости». 1916. № 10. С. 771-775.
38. ЦГИА Украины, Ф.320. Оп.1. Д.1552. Л.2 об.
39. ЦГИА Украины, Ф.320. Оп.1. Д.1553. Л.3-5.

References:

1. Reent O. P., Janishin B. M. Ukraina v period Pershoi svitovoi vijni: istoriografichnij analiz // UIZh. – 2004. – № 4. – S.3-35.
2. Porshneva Ol'ga Sergeevna. Mentalitet i social'noe povedenie rabochih, krest'jan i soldat Rossii v period Pervoj mirovoj vojny, 1914-1918 gg. : dissertacija ... doktora istoricheskikh nauk : 07.00.02.- Ekaterinburg, 2000. – 359 s.
3. Senjavskaja E. S. Chelovek na vojne: opyt istoriko-psihologicheskoy harakteristiki rossijskogo kombatanta // Otechestvennaja istorija. – 1995. – № 3. S.7-16.
4. Cherkasov A. A. Nacional'nye men'shinstva Rossijskoj imperii v gody Pervoj mirovoj vojny: nekotorye aspekty // Bylye gody. – 2009. – № 4. – S.20-27.
5. Uortman R. Nikolaj Vtoroj i obraz samodержavija // Istoriya SSSR. – 1991. – № 2. – S.122-123.
6. Morozova O.M. «Sakral'nyj car'», ubivshij Nikolaja? // Rezhim dostupa: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2125&level1=main&level2=articles>
7. Gosudarstvennyj arhiv Poltavskoj oblasti (dalee – GAPO), F.83. Op.1. D.144. L.37
8. Golovin N. N. Rossiya v Pervoj mirovoj vojne / N. N. Golovin. – M.: Veche, 2006. – S. 199-201.
9. Obzor Poltavskoj gubernii za 1914 god. – Poltava: Tipografija Gubernskogo pravlenija, 1916.
10. Ukrains'ki prikazki, prisliv'ja i take inshe. Uklav M. Nomis / Uporjad., primit i vstup. st. M. M. Pazjaka. – K.: Libid', 1993. – 768 s.
11. Taras Shevchenko. Zibrannja tvoriv: U 6 t. – K., 2003. – T. 1: Poezija 1837-1847. – S. 265-278.; Taras Shevchenko. Zibrannja tvoriv: U 6 t. – K., 2003. – T. 2: Poezija 1847-1861. – S. 361, 363.
12. Grinchenko B. Shevchenkiv «Kobzar'» na seli // Nova gromada. – 1906. – № 2. – S. 7-29.
13. Makarenko A. S. Pedagogicheskie sochinenija: V 8-mi t. T. 2 / Sost. M. D. Vinogradova, A. A. Frolov. – M.: Pedagogika, 1983. – S.309.
14. «Poltavskie eparhial'nye vedomosti» – 1914. – № 33. – S.1779-1781.
15. «Poltavskie eparhial'nye vedomosti» – 1914. – № 41. – S.2182-2187.
16. GAPO, F.83. Op.1. D.134. L.3.
17. «Poltavskie eparhial'nye vedomosti» – 1914. – № 46. – S.2551-2553.
18. «Poltavskie eparhial'nye vedomosti» – 1915. – № 4. – S. 318-325.19. Kolonickij B. «Tragicheskaja jerotika»: Obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny. – M.: NLO, 2010. – S.44-46.
20. GAPO, F.138. Op.1. D.546. L.4.
21. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Ukrainy, g. Kiev (dalee – CGIA Ukrainy), F.320. Op.1. D.1550. L.13.
22. CGIA Ukrainy, F.320. Op.1. D.1369. L.2.
23. CGIA Ukrainy, F.320. Op.1. D.1354. L.2.
24. GAPO, F.138. Op.1. D.546. L.8-9.
25. GAPO, F.138. Op.1. D.546. L.18-19 ob.
26. GAPO, F.138. Op.1. D.552. L.5.
27. GAPO, F.138. Op.1. D.576. L.2.
28. CGIA Ukrainy, F.321. Op.1. D.220. L.178.
29. CGIA Ukrainy, F.321. Op.1. D.224. L.52.
30. GAPO, F.138. Op.1. D.546. L.33.
31. CGIA Ukrainy, F.321. Op.1. D.220. L.73.
32. CGIA Ukrainy, F.320. Op.1. D.1542. L.3-5.

33. CGIA Ukrainy, F.320. Op.1. D.1551. L.2-7.
34. GAPO, F.138. Op.1. D.546. L.32.
35. CGIA Ukrainy, F.320. Op.1. D.1544. L.3-5.
36. CGIA Ukrainy, F.320. Op.1. D.1540. L.2-10.
37. «Poltavskie eparhial'nye vedomosti» – 1916. – № 10. – S. 771-775.
38. CGIA Ukrainy, F.320. Op.1. D.1552. L.2 ob.
39. CGIA Ukrainy, F.320. Op.1. D.1553. L.3-5.

УДК 355.018(477.53): 94 «1914/18»

Восприятие образа Николая II украинским крестьянством в период Первой мировой войны (по материалам Полтавской губернии)

Виктор Иванович Саранча

Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского, Украина
39600, г. Кременчуг, ул. Первомайская, 20
Аспирант
E-mail: visar73@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности восприятия образа последнего российского императора украинским крестьянством во время Первой мировой войны. Особое внимание уделено таким аспектам «военного сознания» как: восприятие образа врага, отношение к войне и службе в армии, интерпретация причин войны и ее возможных последствий.

Ключевые слова: император; Николай II; Первая мировая война; крестьянство; Полтавская губерния.